

**МОДАЛЬНОСТЬ КАК ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Т. ТОЛСТОЙ
«ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ»)**

Интерпретация текста как целого речевого произведения — одна из задач современной лингвистики текста. Существуют различные методы интерпретации художественного текста, однако согласно И.Р. Гальперину, «нельзя говорить о каком-нибудь объекте исследования, в данном случае о тексте, не назвав его категорий» [1, с. 4]. Адекватное прочтение текста художественного произведения, декодирование его смысла тесно связано с текстовыми категориями «образ автора» и «образ повествователя». При этом, по мысли В.В. Виноградова, образ автора есть «...та цементирующая сила, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему. Образ автора — это внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» [2, с. 97]. Художественный текст, существующий как реализация авторского замысла, несет в себе сочетание информации двух видов: объективной, реализующей соотношение высказывания с действительностью, и субъективной, выражающей оценку действительности с индивидуальной точки зрения автора, повествователя, героя.

В художественном тексте соотношение между объективной действительностью и субъективной ее интерпретацией выражается в том числе через отношения «текст — действительность — автор», что представляет языковая универсалия модальности. Модальность — функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Категория мо-

дальности в художественном произведении пронизывает все языковые уровни, формируя другие текстовые категории, в том числе категории «образ автора» и «образ повествователя». Субъективная модальность, являясь факультативным признаком высказывания и средством дополнительной экспрессии, становится способом выделения логически значимой информации с точки зрения автора. В результате субъективная модальность выступает как способ актуализации авторского замысла, выполняя роль «ключа» к интерпретации текста. Таким образом, целью работы является выявление языковых средств репрезентации категории модальности, служащих реализации авторского замысла.

Особенностью речевой структуры рассказа Т. Толстой «Женский день» является совмещение в одном лице рассказчика и главного действующего лица, что выражено формально. Указанная речевая структура рассказа, представляя действие «изнутри», становится условием формирования ярко выраженной модальности текста, которая усиливается за счет опоры автора на видение ситуации ребенком в силу того, что детский возраст отличается открытым проявлением мыслей и чувств. Таким образом, в рассказе повествование от 1 л. становится семантическим и структурным центром повести: «Вместе с я появляется субъективно-модальное значение, непреременный атрибут высказывания», что предопределяет яркое выражение модальности героя-рассказчика [3, с. 177].

В рассказе «Женский день» в речевой структуре образа повествователя проявляются характерные средства экспликации категории модальности. На лексическом уровне в данной функции выступает образная и когнитивная метафора [4]. В тексте Т. Толстой метафора функционирует не в качестве украшения, как она трактовалась еще в античной риторике, а как средство заострения мысли. Так, образная метафора представлена следующими выражениями: *поешь по холодной обязанности; черная школьная зима; пробегающий табун хулиганов; завуч, одетая в приличный синий чехол; потная ладка [о руке мальчика]; мертвая карточка и чумной билет [об открытке] и др.* Образная метафора, выступая в активизационной и оценочной функции, служит средством создания отрицательного образа школы, возникшего у героини из-за неприятных для нее примет школьной жизни и праздника 8 Марта. Восприятие данной метафоры ориентировано на интуитивное понимание и толкование: «Апеллируя к интуиции, метафора этого типа всегда оставляет адресату возможность творческой интерпретации» [4, с. 334]. Образная метафора становится способом представления индивидуальной оценки через переосмысление привычных признаков школьной жизни. В отличие от описательной и статичной образной метафоры, когнитивная метафора описывает школьную жизнь в динамике: *красная позорная лента — развратная лента, женская лента — невидимо горит у меня на спине кленовым листом, кто-то большой накатывает на меня потной волной, ноги ... вязнут в красной, густой, государственной мастике, стоя женщины с криком и стуком навалились на меня, стучат в моем мозгу, давят и тихают.* Особенностью когнитивной метафоры в этом рассказе является ее социальная направленность, т.е. обращенность не во внутренний мир человека, а во внешнее его окружение. Воздействие когнитивной метафоры усили-

вается за счет наличия в ней глаголов в форме настоящего изобразительного, представляющих действие как происходящее в данный момент.

Частотным средством выражения отношения рассказчика являются модальные слова (*надо, можно, нельзя*), при этом над семантикой разрешения и запрета доминирует семантика необходимости. Так, семантика необходимости, выраженная модальными словами *нужно и надо*, становится смысловым ядром в описании школьной жизни: *Стены у него коричневые, тоскливые, и одежду тоже нужно носить коричневую, чтобы не отличаться от стен. В волосы — у кого коса — надо заплетать черные или белые ленты, а по праздникам — белые. Праздники у них — это когда на каждом этаже музыка и пение из громкоговорителей: «Мечтать! Надо мечтать!» — поет ангельский хор провокаторов, а в классе Валентина Тимофеевна орет, стуча по столу костяшками пальцев: «Я не о том спрашивала! ... Слушать надо!...Размечталась тут!...»*. Происходит столкновение ситуаций возможности и необходимости, основой для которых является семантика потенциальности. Структура безличного предложения представляет модальность вне отношения к субъекту волюнтаривности, что придает семантике необходимости значения категоричности и неоспоримости. Не имеет выражения и субъект действия. В результате отсутствия субъектов волюнтаривности и действия формируется новый смысл высказывания: необходимость воспринимается как обобщенная, она идет от всех и направлена на всех, кто находится в рамках школы, без учета их индивидуальности.

Особую модальную семантику приобретают аналитические сочетания отдельных глаголов с инфинитивом, на что указывал В.В. Виноградов: «... модальные различия действия все разнообразнее выражаются сочетаниями форм двух глаголов, из которых один своим лексическим значением выражает модальность другого глагола, облеченного в форму инфинитива» [5, с. 64]. В рассказе «Женский день» в качестве примеров выдвинутого положения можно привести следующие: *Говорят: «Сам погибай, а товарища выручай» и тут же ведут доносить. Говорят: «Надо помогать другу», а списывать запрещают. И хорошо еще, если позволят просто сидеть на деревянных откидных стульях, прищемляющих то пальцы, то платье, — а ну как заставят выступать? На «празднике азбуки» они заставят меня изображать букву «Р» — которую я не произношу. Инфинитив представляет действие, которое рассматривается говорящим не как реальное, а как требуемое со стороны субъекта действия. Неопределенно-личная форма глаголов 3 л. мн. ч. (в большинстве примеров) представляет субъект действия как недостижимый, что придает требованиям необратимый характер.*

Субъективная модальность, связанная с рассказчиком, также выражается логико-грамматической оппозицией желания/необходимости. Значение необходимости, идущее от абстрактного субъекта волюнтаривности, находится в контрарных отношениях с желаниями героини: *В моем ранце — мертвая карточка, чумной билет; мне велели передать его дальше, но почему-то я не хочу, но надо, но я не хочу, но они ждут, но я не хочу*. Форма 1 л. настоящего *не хочу* в сочетании с особой экспрессивно-волевой интонацией служит для выражения

категорического нежелания. Значение нежелания находится также в оппозиции со значением возможности: *Отомстят за то, что я умею быстро читать, и не хочу читать медленно, по слогам, не хочу притворяться, что справляюсь с трудным текстом: «ТУТ КОТ. А ТАМ?»*. Через дистантно выраженное значение нежелания в рассказе оформляется один из ключевых смыслов рассказа: несовпадение желаний героини и требований к ее поведению со стороны общества.

Обозначенные языковые средства — образная и когнитивная метафора, модальные слова, сочетания аналитических форм глаголов с инфинитивом — становятся средством реализации авторского замысла, создавая яркий образ школьной жизни и женского дня, с одной стороны, и оценку ситуации героиней и ее незримым окружением — с другой стороны. Текстовая доминанта репрезентована в тексте следующей структурой: *«Я не знаю, что делать с собой, и кто я, и что мне надо думать, и какие бывают слова, и за что наказывают человека, и что ему можно, и что ему нельзя»*. Таким образом, субъективная модальность в рассказе «Женский день» становится средством эксплицитного выражения «образа повествователя». «Образ автора» и его субъективная модальность в этом рассказе выражаются имплицитно, предоставляя читателю возможность самостоятельно интерпретировать описываемые события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / . — М., 2007.
2. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. — М., 1963.
3. Солганик, Г.Я. К проблеме модальности текста / Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. — М., 1984. — С. 173 — 186.
4. Арутюнова, Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Известия АН СССР: Сер. литературы и языка. — 1978. — Т. 37, № 4. — С. 333–343.
5. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / Исследования по русской грамматике. Избр. тр. — М., 1975. — С. 53–87.